

Человек Дела и Совести

С Владимиром Никифоровичем Станко я познакомился при абсолютно естественных для первокурсника обстоятельствах. В первых числах сентября 1973 года, когда мы только стали студентами, по довольно жесткой истфаковской традиции, нам сразу же были назначены кураторы. Куратором нашего курса оказался Владимир Никифорович. Тогда еще, как нам казался, достаточно молодой, хотя, судя по рассказам старшекурсников, весьма авторитетный человек, ученый и преподаватель. Причем, к этим обязанностям, как и ко многим другим, или почти ко всем своим делам, он никогда не относился формально. У меня сложилось впечатление, что если дело ему не нравилось, то он старался от него просто избавиться или отказывался, а то, что он уже делал, то делал на совесть.

А со студентами он всегда любил общаться. Я не знаю насколько это было привлекательно - быть куратором курса, но по крайней мере, он это исполнял не просто добросовестно, но, как я теперь понимаю, и с душой. Кураторы тогда очень активно работали со студенческим активом, который в основном был конечно же комсомольским. У нас курс был достаточно интересным в этом отношении. Потому что у нас были ребята, пришедшие из армии и достаточно взрослые, которые конечно отставали в общекультурном и общеобразовательном уровне. И были выпускники школ, такие как я, хотя и я не сразу поступил (т.е. я был на год старше, но конечно «салага» по сравнению со «стариками»), У нас никогда не было никаких элементов дедовщины. Я не жил в общежитии, но часто бывал там и знаю, что это не было ни в общежитии, ни в отношениях на курсе уже непосредственно на Советской армии, 24... Просто так нам повезло, что те кто был старше, после армии, они стремились к знаниям и поэтому это их старшинство мы компенсировали лучшей подготовкой и какой-то взаимопомощью в этом вопросе.

Мы почти сразу уехали в колхоз - это был Ивановский район, село Благоево. Тогда Владимир Никифорович считал себя болгаринцем, потому что я знаю из более позднего общения, что он стал считать себя македонцем. По поводу Македонии и тем Болгарско-Македонских мы с ним немного Обсуждали уже когда я был директором института, как коллеги. Конечно там было пару удивительных

моментов. В субботу и воскресенье большая часть курса не уезжала в Одессу. Я больше такого не помню, а ведь еще ездил три года, то есть все четыре года ездил до пятого курса (пятый курс в колхоз уже не посылали). В последующем такого не было. Потому что не было Станко с нами, были другие кураторы. Мы не уезжали, потому что на субботу-воскресенье он устраивал такие увлекательные походы по местности, мы достаточно далеко уходили. Он объяснял, что нужно искать. Вот мы там всякие археологические штучки - скребки, камушки, керамику там находили. Но, вся же прелесть состояла в том, что это сопровождалось массой комментариев, которые уходили далеко за пределы формально найденного камешка, скребка какого-то и уже шли разговоры о мироустройстве, истории земли, цивилизации, и т.д. И, конечно же, для абсолютного большинства это было просто увлекательно.

Я не могу сказать, что Станко был «рубаха-парень». Он знал, что такое педагогическая дистанция. Но, вместе с тем, его способ общения, был таким раскрепощающим и мы довольно быстро нашли общий язык.

Теперь, а я уже имею достаточно большой опыт жизненный, человека приближающегося к шестидесятилетию, для меня несколько даже удивительно - он сразу же ко мне хорошо относился, хотя, по идее, это не должно было бы быть так. Он более уважительно всегда относился к ребятам, которые были постарше, опытнее, которые прошли уже какую-то школу, по крайней мере уже на том этапе. А я, хотя и не был маменькиным сыночком, но все-таки был городской парень и не то, чтобы изнеженный, но во всяком случае, не очень привыкший к тяжелому физическому труду. Но тем не менее, я не чувствовал отчуждения - он всегда ко мне по-доброму относился. И это отношение заставило меня всерьез готовиться к его экзамену. И, скажу честно, что ни к одному экзамену в своей жизни я так не готовился, как к «Истории первобытного общества». Этот курс был для меня серьезной наукой. Да еще и на первом курсе...

Мне просто было стыдно, что буду плохо «выглядеть». Был невероятно горд - до сих пор помню, что у нас было всего лишь три «пятерки» по «Истории первобытного общества» на первой сессии (у меня, у сокурсницы Вали Алексеевой и третья, кажется, у Миши Агбунова). В общем, не опозорился перед ним.

Намного позже, когда я стал уже преподавателем, мы с ним обсуждали эту советскую систему, которая сегодня сохранилась формационно идти, хронологически. Выказывал ему свои мысли, что «Историю первобытного общества» нельзя читать на первом курсе, потому что там такой набор фундаментальных вещей, который не каждому первокурснику понятен. Он соглашался с этим. Но...

В аудитории он заметно отличался от других преподавателей. Просто у него были очень интересные лекции. В этом плане помню, что И.О. Карышковский и В.Н. Станко на младших курсах существенно отличались. Они заметно выделялись в лекторском мастерстве, умении подавать материал, способности заинтересовать своими предметами.

Помимо первобытки он читал еще у нас часть археологии. Когда подошло время определяться с группой для археологической практики, то для меня выбор не стоял - я хотел ехать только к Станко, в Мирное. Сделайте скидку на то, что это было почти 40 лет назад. Это был 1973 год. Первый курс... Романтика отрыва от дома - я ж особо до этого никуда не выезжал, разве что - в пионерский лагерь. Интересный преподаватель, поселелки, яркое июльское небо...

Достаточно изнурительно работать под палящим солнцем, загар самый замечательный был за все годы. Очень жаркое было тогда лето. Также как в ауди

тории, так и на раскопе лектор и ученый покорил нас первобыткой. Потому что я не мог себе и представить, что так можно увлекательно говорить о первобытном социуме. Не просто так вот о каких-то там камешках, костях и т.д. о находках, а вот именно на основании вот этих вот мелочей реконструировать как они жили, что делали и т.д. Разговоры на эту тему были постоянные. По-разному бывало, иногда во время раскопа, иногда во время обеденного перерыва, но, чаще всего, по вечерам. Он часто сидел с нами на поселелках у костра. Мы его часто вытаскивали, но он еще был довольно молодым все-таки - ему и 40 лет еще не было.

Была одна смешная история. П.О. Карышковский приехал. Владимир Никифорович, не помню почему это для него было важно, но что-то какую-то там идею он выстраивал. Показал ему план раскопа и как эти очаги там были сформированы, что-то это имело какое-то определенное значение для него. И он это долго готовил. Мы слышали, что должен Карышковский приехать. Вот нарисованный план, натянутый на планшет... И, наконец, приехал Петр Осипович. Станко подводит его, тот внимательно смотрит и на вопрос: «Ну, как?», профессор посмотрел и говорит: «Ну вот что я скажу, мухи обсели эту бумагу серьезным образом». Это такой был удар.

С 1979 по 1983 годы я был избран в секретари университетского комитета комсомола и имел полставки ассистентом на кафедре. А Станко был одно время еще и секретарем партийного бюро. Он активный был человек в общественной жизни. Потом я с 1983 по 1987 гг. в обкоме комсомола работал, а он в это время в отделе археологии. Вернулись мы на истфак примерно в одно время - в 1987 году, я в январе, а он - в сентябре месяце.

Мы начали более активно общаться, когда он уже стал деканом. Дело в том, что так получилось, что Семен Осипович много ездил, я получалось, неформально исполнял обязанности заведующего кафедрой и тогда с ним как с деканом контактировал.

Объективно, у Владимира Никифоровича был не простой характер. И, я знаю, что со многими моими коллегами, моей кафедры он плохо сходился и опять здесь какой-то момент иррациональный, который я не могу объяснить - я с ним всегда был в теплых отношениях. И я к нему с огромным уважением всегда относился и, надеюсь, что он тоже. Это было видно по характеру отношений. Потом, когда я работал директором Института социальных наук, а Станко оставался деканом исторического факультета, то я по многим вопросам с ним советовался.

Тогда же, мы очень часто с ним обсуждали вопросы предстоящих выборов, где бы они ни были - то ли у нас, то ли в России или в США. Однажды, так получилось, я уже не помню, какие это были выборы и где точно, но я «угадал» почти точно процентное соотношение, которое будет на выборах. И это произвело на него такое фантастическое впечатление и он посчитал, что я почти оракул. Хотя эти цифры были основаны, конечно, на каком-то общем понимании ситуации, тенденциях, но и просто где-то там совпадение, получилось, что совпало где-то, чуть ли не до десятых. И после этого где бы ни приближались выборы, Владимир Никифорович всегда меня спрашивал, «какой прогноз» Он не всегда был таким точным, но я у него в этом отношении был в авторитете. Многие другие житейские, деловые и профессиональные темы становились тогда предметом наших с ним обсуждений, достаточно доверительного характера.

Конечно, в общем по жизни он был достаточно жестким человеком. Но я, почему-то, никогда не испытывал этого жесткого отношения к себе. Но хотя большинство людей с возрастом становятся чуть-чуть либеральнее. У молодого

преподавателя всегда есть максимализм - стремление показать себя, овладеть аудиторией... Ну, а потом, вы знаете известная фраза, ее приписывают разным людям: «тот кто в молодости не был максималистом или революционером у того нет сердца, а кто в зрелости не стал консерватором у того нет мозгов».

Когда мы («международные отношения») уходили с исторического факультета, у нас же была с ним договоренность такая, он сам меня попросил, чтобы я продолжал читать курс Новейшей истории, II период. И пока он был деканом, эту нагрузку кафедра отдавала мне, и я читал на четвертом курсе во втором семестре Новейшую историю Европы и Америки. Владимир Никифорович, как минимум, не препятствовал этому уходу. Думаю, что он хотел, чтоб мы ушли - нас считал ни столько историками, сколько политологами (я имею в виду всю кафедру). Он классический историк в этом отношении, который сосредоточен был на ранних периодах исторического развития. Может не совсем точно воспринял, что такое политология... Но она еще до сих пор в стадии становления, а тогда для большинства политология казалась упрощенной современной историей, что есть совершенно не то.

В конце 1980 - начале 1990-х гг. на факультете был такой себе диссидентский треугольник: Станко, Бачинский, Алпатов. Но весьма условными все были диссидентами, как мы понимаем, но в условиях того истфака, это было похоже на диссидентство. Во всяком случае, это были люди, которые открыто и откровенно высказывали точку зрения, зачастую противоположную официальной. За что и были, каждый по-своему, любимы студентами.

Он, как организатор науки и учебного процесса, был крайне системным человеком. С 1994 по 2003 год он был деканом. Время это было крайне тяжелым, особенно до 2000 года. Ситуация была очень жесткая временами, например, 1996-1997 учебный год у нас были периоды, когда по 8 месяцев не выплачивали заработную плату. Я считаю, что то что удалось в университете вообще сохранить основные школы научные и преподавательские, эта заслуга тех людей, которые тогда руководили и в данном случае - В.Н. Станко. Вторая половина 1990-х годов, это был своеобразный перелом - пошли активные защиты диссертаций, регулярно выходили «Записки...».... Он очень чувствовал, любил это дело и даже иногда приставал по делу в этом отношении.

Учитывая положение вновь созданного Института, я реально по многим вопросам обращался к нему. Потому что он мне из всех деканов был ближе всего. Мы к тому моменту времени были уже больше 20 лет знакомы и для меня он был большим авторитетом. Я очень часто к нему обращался, считая себя неопытным в этом отношении - с конкретными вещами по учебному плану, организационными моментам учебного процесса и т.д.

Я его запомнил: достаточно плотно сложенный, со слегка угловатой походкой, с большой головой, внешне ершистый очень, иногда - даже колючий. Он не особенно церемонился, между прочим, даже на официозах, ректоратах - он всегда очень жестко задавал вопросы, по делу, к руководству. Он этим также заметно отличался. И я, в некоторой степени, у него эту манеру перенял. Теперь, оказавшись по другую сторону баррикад, понимаю, как я действовал на ректора своими вопросами, но вот это была линия Станко. Не придирки какие-нибудь, а вопросы по существу на темы наши повседневные. На самом деле, и это правильно, ректорат всегда немножко тормозит в восприятии конкретных моментов деятельности. Деканы, преподаватели больше времени со студентами, ближе к ним. В обычных отношениях очень коммуникабельным был человеком. Не чужд был юмора - он на застольях рассказывал всякие байки. У него масса была вся-

ких рассказов из жизни. Мудрый человек, наверное, всегда способен рассмотреть и подать курьез из повседневной рутины.

Жаль, что нельзя уже обратиться к своему преподавателю, услышать категоричные, но ценные суждения, получить дельный и, порой - неожиданный совет...

**Коваль Игорь Николаевич, д.пол.н., профессор, ректор
ОНУ им. И.И. Мечникова**